

Калигула: Я еще жив!

Мифологизированная фигура Калигулы — привычный повод для разговора о власти и безумии. Парадоксальная связь обеих категорий принимается как что-то само собой разумеющееся. Но является ли тяга к безграничной власти следствием безумия, или, напротив, лишенная пределов власть рано или поздно безумием оборачивается? В случае с Альбером Камю, а именно его пьеса легла в основу спектакля театра им. Шевченко, эта тема приобрела дополнительную остроту: работа над текстом медленно шла к завершению на фоне войны.

Само течение карантина утвердило своевременность этой задуманной до пандемии постановки, по-римски зрелищной и по-экзистенциалистски абсурдной и критичной. Следуя драматургу, служа жертвам истории, а не ее творцам, на веслах «галеры современности», режиссер Александр Ковшун сокращает число действующих лиц и делает «невозможное возможным» — сжимает действие до одного акта. В привычной карнавальности его спектаклей появился привкус горечи, которая прежде, кажется, не была в такой степени ему свойственна. Дело, видимо, в том, что раньше Ковшуна волновал человек, как правило, маленький, беззащитный и совсем не бесчувственный. Но на фоне героев Бюхнера, Набокова, Кропивницкого персонажей «Калигулы» никак нельзя назвать людьми. Скорее, это, по меткому определению Мандельштама, данному в иных, но вполне (архе)типичных обстоятельствах, полулюди. Их мир — лишенная углов палата, куда проникают сквозь щели или перепрыгивая барьер. Рутинная жизнь передана бегом под аккомпанемент виолончели. Режиссер-гуманист, однако, щадит героев, снимая напряжение короткими вспышками

«мелодий и ритмов зарубежной эстрады». И над всем этим царит единственное «операционное» светило, да время от времени доносящийся откуда-то из-за стены скрип панцирной кровати. Мало что меняет и номинальное перевоплощение большинства из них в «людей», носителей белых халатов вместо белья и шлемофонов пациентов бедлама. Не изменяет (себе) лишь сам Калигула и его «Малюта Скуратов», Геликон. Тиранов, подобных ему, всегда сопровождают идущая из ближайшего окружения слава болезненно подозрительного, жестокого деспота и свойственная популистам неподдельная народная любовь. И те и другие боятся и ненавидят его, но до поры перед ним безоружны.

В самой поэтике Камю заключена возможность противоположного взгляда. И другая трактовка, если учесть ковшуновский поиск человека, не покажется чересчур экзотичной. Калигула — слаб, отчасти оклеветан, отчасти действительно грешен. Доказательством его человечности служит хотя бы то, что только он имеет лицо, а не гримасу, тело, а не его жалкое подобие самых невысказанных конфигураций. Все что мы узнаем злого о нем, звучит в патрицианских пересудах (в современном информационном обществе это замечание не станет лишним). Единственный явный грех Калигулы, демонстрируемый непосредственно публике — то, что красота для него выше морали, искусство поэта Сципина важнее закона в лице Хереа. Именно так, как дитя своего века, он понимает слова Пинадра, взятые Камю в эпиграф к «Мифу о Сизифе»: «...не стремись к бессмертию, но исчерпай все возможное на земле».

Викентий Пухарев
Фото Маргариты Корн